

Научная статья
УДК 168.522
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-119
EDN BZMYBF

**Художественная и философская трансформация образа Волги
в контексте идеи «новой визуальности»**

Анна Николаевна Таланова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии и культуры Института филологии и журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
tango7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4480-6474>

Аннотация. Среди полноводных российских рек Волга занимает центральное место в национальном образе мира, несмотря на то, что по величине она всего лишь пятая. «Матушка-Волга», «исток русской души», «царица рек русских», «главная улица России» и «русский Нил», «река-богатырь» – так в разные времена Волга звучала в народном сознании в зависимости от исторического контекста. Интересно, что штампы «великая русская река», «самая крупная и величественная река России», «Волга – всем рекам мать», «Волга-матушка раздольная и могучая, кормилица и спасительница» так прочно укоренились в нашем сознании, что кажется, будто они существовали всегда, и никто никогда иначе не говорил. Для писателей, поэтов, художников, композиторов, режиссёров и скульпторов именно «Волга-матушка» стала музой, героиней историй, свидетельницей больших и маленьких событий. Образ этот, немного видоизменяясь в зависимости от исторического контекста, до определенного времени был одним из концептуальных в искусстве, а потом вдруг практически исчез. Что же послужило причиной такого явления? Значит ли это, что Волга утратила для нас свое значение «великой русской реки»?

В результате исследования автор приходит к выводу, что образ Волги в современном изобразительном искусстве потерял свою неизменность и узнаваемость, разбившись на симулякры или на визуальные коды, обращенные на интерпретацию какой-либо авторской идеи. В сознании россиян Волга постепенно утрачивает статус «великой русской реки», связанной с национальной идеей. Художественные исследования Волги приобретают исключительно личный характер, на первое место выступают темы памяти, утраты, травмы. Более того, сложность визуализации того, чего не существует, переносит исследование образа Волги из пространственных видов искусств во временные. Предложенный анализ особенностей образа Волги в контексте идеи «новой визуализации»

© Таланова А. Н., 2024

можно использовать в литературоведческих и междисциплинарных исследованиях.

Ключевые слова: образ Волги; волжский текст; новая визуальность; современное искусство; память; изобразительное искусство; трансформация; симулякр; культура

Для цитирования: Таланова А. Н. Художественная и философская трансформация образа Волги в контексте идеи «новой визуальности» // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 119-132. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-119>. <https://elibrary.ru/BZMYBF>.

Original article

Artistic and philosophical transformation of the Volga image in the context of the “new visuality” idea

Anna N. Talanova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of Slavic philology and culture, Institute of philology and journalism, Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod
tango7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4480-6474>

Abstract. Among great Russian rivers, the Volga occupies a central place in the national world view, despite the fact that it is only fifth in size. “Mother Volga”, ‘the source of the Russian soul’, ‘the queen of Russian rivers’, ‘the main street of Russia’ and ‘the Russian Nile’, ‘the hero river’ – this is how the Volga is called in people’s minds at different times, depending on the historical context. It is interesting that such clichés as “the great Russian river”, “the largest and most majestic river in Russia”, “the Volga is the mother of all rivers”, “the Mother Volga is vast and mighty, the breadwinner and savior” are so firmly rooted in Russian consciousness that it seems as if they have always existed, and no one has ever said otherwise. For writers, poets, painters, composers, directors and sculptors, the “Mother Volga” has been a muse, a heroine of stories, a witness of big and small events. This image, slightly modified depending on the historical context, was one of the conceptual images in the arts until a certain time, and then, all of a sudden, it practically disappeared. What caused this change? Does it mean that the Volga has lost its significance to us as a “great Russian river”?

Based on the research, the author concludes that the image of the Volga in contemporary fine art has lost its immutable and recognizable character, splitting into simulacra or visual codes aimed at interpreting a certain authorial idea. In the Russian mind, the Volga is gradually losing its status as a “great Russian river” associated with the national idea. Artistic studies of the Volga become extremely personal, with themes of memory, loss, and trauma taking center stage. Moreover, the difficulty of visualizing what does not exist moves the study of the Volga image from spatial art forms to temporal ones. The proposed analysis of the Volga image features in terms of the idea of “new visualization” can be used in literary criticism and interdisciplinary studies.

Key words: image of the Volga; Volga text; new visuality; modern art; memory; fine art; transformation; simulacrum; culture

For citation: Talanova A. N. Artistic and philosophical transformation of the Volga image in the context of the “new visuality” idea. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 119-132. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-119>. <https://elibrary.ru/BZMYBF>.

Введение

Размышляя о Волге и ее художественном воплощении в пространственных видах искусства в период с XIX по XXI век, стоит вспомнить о том, что в середине этого временного периода, в XX веке, происходит трансформация визуальности, связанная с развитием технических средств, способных тиражировать образ, вследствие чего он теряет свою подлинность, первичность и становится массовым. Визуальные копии обретают статус равнозначных и равноценных оригиналу, а культовая функция оригинального изображения исчезает. Образ, утративший свою исключительность, начинает «обрастать» визуальными метафорами, и тогда возникает необходимость уточнения, что мы имеем в виду, считая тот или иной образ первичным. Феномен «новой визуальности как новой модели восприятия обусловлен неизменностью и узнаваемостью вещи, однако сам метод созерцания изображения всегда предполагает додумывание увиденного, интерпретацию идеи в контексте эмпирического опыта зрителя и его “насмотренности” и

способности памяти творчески включаться в аналитический процесс» [Розин, 2016].

Проблемы визуальности входят в круг научных интересов гуманитарных наук и активно исследуются не только культурологами, но и литературоведами, искусствоведами и? конечно, философами, сформулировавшими теорию «философских поворотов», важнейший из которых – иконический (визуальный) [Савчук, 2013]. Вопрос о бытии переводится в план анализа визуальных образов: «образы подменяют реальность, что, в свою очередь, ведет к утрате подлинности, рождая феномен симуляции реальности. Образы переходят в нас, мы начинаем видеть образами, симулируя, они замещают непосредственный опыт, становясь незаменимыми для здоровья экономики, для стабильности общества и реализации желаний» [Савчук, 2013, с. 96].

В данном исследовании мы обратимся к образу, казалось бы, знакомому любому жителю России – к образу Волги. *Чем отличается наше восприятие Волги от восприятия ее россиянами, жившими в XIX – XX веках?* Обращение к иде-

ям «новой визуальности» способно, на наш взгляд, объяснить, почему культовый, значимый для русского сознания образ Волги утрачивает свою подлинность в XXI веке и распадается на многочисленные симулякры.

Если оттолкнуться от определения, что образ – «род собранности сущего, т. е. не только видимого, но и, а может и в первую очередь, мыслимого, представляемого, продуманного» [Савчук, 2013, с. 97], то логично будет проследить, как мысленные формы генерируют визуальный образ Волги: «Река движется как через время, так и через пространство. Реки сформировали облик нашего мира; в них заключены, как выразился в “Сердце тьмы” Джозеф Конрад, “мечты мужчин, семена республик, зачатки империй”. Они неизменно манили к себе людей и потому несут, подобно мусору, отвергнутые свидетельства прошлого» [Лэнг, 2019, с. 16].

Данная статья посвящена особенностям художественного осмысления образа Волги в отечественном изобразительном искусстве XIX–XX веков и предпринимает попытку объяснить факт отсутствия Волги в поле внимания современных художников. Для раскрытия образа Волги необходимо сделать небольшой экскурс в историю ее художественной визуализации.

Результаты исследования

Начнем с того, что появление любого образа в системе искусств имеет свой мотив: любое наше представление о чем-либо есть мысленная модель действительности [Флоренский, 1993]. В национальном образе мира Волга заняла свое место только, когда наши предки обратили на нее внимание как на реку, объединившую российские земли. А это могло произойти только в середине XVI века, после покорения Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств и объединения всей Волжской речной системы в пределах России. Только тогда у Волги появилась возможность стать предметом «особого внимания» и сформироваться в сознании русского народа как «великая русская река».

Любопытно, что обыденное сознание соотносит появление «Волги-матушки» со стародавними временами, предполагая, что это название восходит к устному народному творчеству. Однако в исследовании М. В. Строганова «Большая Волга в русском фольклоре» [Строганов, 2017] говорится о том, что «Волга, как и любая другая конкретная река, практически не встречается ни в сказке, ни в былине, ни в обрядовой песне <...> Конкретная Волга появляется в фольклорных жанрах, которые сформировались в более позднее время: в исторических песнях и преданиях» [Строганов, 2017, с. 312], происходит это, по

утверждению автора в XIX веке [Строганов, 2017]. Любопытно, что «подавляющее большинство фольклорных песен, в которых Волга приобретает символическое значение в сочетании с эпитетом «матушка», восходит к авторским произведениям, и они поддаются более или менее точной атрибуции» [Строганов, 2017, с. 323]. Таким образом, штамп «Волга-матушка» представляет собой одну из моделей, позволяющую осмыслить национальную и государственную идентичность: «за сто лет от Языкова и Цыганова до Лебедева-Кумача и Михалкова сформировался образ Волги-матушки, который кажется теперь естественным и “старинным”, хотя возраст его, как выходит на поверку, очень невелик» [Строганов, 2017, с. 324].

Можно сказать, что Волга как великая русская река начинает осмысливаться в эпоху становления нового государства Российского: она не просто природный объект, но река, протекающая через всю страну. Ее воспевают А. П. Сумароков, Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев. В оде «Долины, Волга, потопля...» (1760) А. П. Сумароков называет ее «Преславна мати многих рек», у Карамзина в стихотворении «Волга» (1793) появляются образы «священной реки», «царицы», «матери», ставшие устойчивыми штампами художественного образа этой реки. Только к началу XIX века

Волга приобретает «сущность»: благодаря литературным произведениям, она мыслима, представляема, продуманна, ее легко можно визуализировать.

Коренной перелом, сделавший Волгу объектом пристального изучения художников и писателей, произошел к 1840-х годам, когда по реке стали ходить пароходы, и она превратилась в «главную улицу России». С этого момента Волга, выражаясь словами П. Флоренского, – «мысленная модель действительности» [Флоренский, 1993, с. 37], соотношенная с настоящим настолько, насколько это может быть возможным. Здесь важно отметить именно соотношение реки с настоящим. Волга воспринимается исключительно в контексте «здесь и сейчас», активное освоение реки, развитие судостроения, актуализируют ее образ.

В 1838 году художники братья Г. Г. и Н. Г. Чернецовы отправились в путешествие по Волге от Рыбинска до устья Волги, итогом которого стала 746-метровая панорама ее берегов, названная «Параллель берегов Волги». Это была длинная бумажная лента, склеенная из 1982 листов, на которой один из братьев рисовал правый берег, а другой – левый. Принцип демонстрации был следующим: зрители находились в помещении похожем на каюту, живописное полотно, закрепленное на двух вертикальных цилиндрах, располагалось за окном помещения и пе-

рематывалось с одного цилиндра на другой. Так создавалась иллюзия движения, а зрители наблюдали пейзажи волжских берегов. Необходимость познания пространства страны через детальное описание всех «сторон жизни» по географическому принципу не просто была осознана обществом, но воплощалась в разнообразных формах [Лескинен, 2013].

В 1856 году, по инициативе Великого князя Константина Николаевича, организуется, так называемая «литературная» экспедиция по Волге, ставшая рубежным этапом [Лескинен, 2013] в истории научного и художественного осмысления этой реки. Именно в этот период художественный образ Волги наиболее масштабно разрабатывается как во временных, так и в пространственных видах искусства. Начинает формироваться? так называемый «волжский текст» – многоуровневый, определяющий подход к самой реалии Волги и к воспринимаемому и транслируемым этим образом смыслы [Красникова, 2020].

Во второй половине XIX – начале XX века Волгу активно начинают исследовать художники К. Гун, И. Шишкин, И. Репин, Ф. Васильев, А. Саврасов, М. Клодт, И. Айвазовский, А. Боголюбов, В. Суриков и др. В их произведениях Волга – современная им река, обитатели ее берегов узнаваемы и актуальны. И даже в произведениях И. Левитана и М. Нестерова, поста-

вивших своей целью передать психологическое состояние героя произведения, ощущается современность и состояние «здесь и сейчас». Начиная с 1860-х годов выходит большое количество путеводителей, путевых очерков и заметок, которые становятся медиапосредниками между природой и человеком. Отдельным событием, становится популяризация почтовых открыток, которые путешествующие по Волге отправляют с разных береговых остановок. Наиболее масштабным становится проект выдающегося русского фотографа М. П. Дмитриева «Волжская коллекция» (1894-1903 гг.), в котором Волга представлена как мегаобраз, собравший в себе быт, культуру народов, живущих на берегах Волги.

Основная задача исследований XIX века – осмысление, уточнение знаний обо всем Поволжье как собственно русском регионе [Лескинен, 2013], объединяющим началом которого признается Волга. Однако в начале XX века, когда мир начинает активно меняться и устойчивые формы человеческого бытия начинают разрушаться, художественное и философское осмысление образа Волги максимально переходит во временную плоскость, основной категорией которой становится Вечность, объединяющая Настоящее, Прошлое и Будущее. Тогда Волга из объекта географического приобретает статус идеи. Своеобразным итогом поисков и размышлений стал очерк

В. Розанова «Русский Нил» (1907), в котором отразились все сформировавшиеся во второй половине XIX века метафоры, образы и интерпретации «волжской темы». Но и тут Волга не теряет своего глобального значения: Розанов отождествляет реку с Россией в целом, обращая внимание на сакральный смысл, который заключен в этой великой русской реке.

Начиная с рубежа XIX-XX веков во многом благодаря творчеству М. Горького, Волга приобретает роль Демиурга, создавшего «волжского человека». Интерес к Волге переходит в сферу сакрального в связи с потребностью русской культуры начала XX века в духовном поиске. Волга становится медиумом, способным погружать человека в благодатное состояние, приходящее через природу от Творца. Волга – это святость вод, положительная предельность, высшая гармония и красота, коренные интуиции русской духовности, обретающие форму в творчестве М. Нестерова, и даже И. Левитана. Стоит отметить важный факт: именно в это время человек и Волга связаны наиболее глубокими узами. Образ Волги видим и невидим. Он не имеет формы, как любой великий образ, но он присутствует в сознании людей. Наиболее точным художественным высказыванием в этом ключе становится «Купание красного коня» (1912) К. Петрова-Водкина, где, по словам А. Ипполитова, художник

сумел достичь «синтеза прошлого и настоящего, указывающего дорогу к будущему» [Ипполитов].

Именно в начале XX века происходит вполне оправданная в контексте теории о «новой визуальности» [Чакина, 2015] трансформация образа Волги: когда важным становится не сам образ предмета, а то, каким способом он репрезентирован. Здесь стоит сделать отсылку к работам Х. Ортеги-и-Гассета, В. Вейдле, С. Булгакова, П. Флоренского и др. Несмотря на то, что советское искусство будет использовать образ Волги, созданный искусством дореволюционной России, трансформация художественного образа великой реки будет происходить параллельно общемировым тенденциям: к концу XX века Волга все равно исчезнет из актуального визуального ряда, произойдет окончательное развоплощение шаблонного образа, его дематериализация и разделение анализируемой формы на мельчайшие составные части.

Давайте проследим, как это произошло.

В конце 30-х годов XX века начинается новый этап представления Волги в живописи. Волга – река-богатырь, река-труженик, которая опять, благодаря советской мифологии, предстает в образе человека. В советском искусстве Волга отождествляется с Родиной-матерью, она является символом свободы, простора, широты и величия духа советского человека.

Центральную роль в построении этого образа сыграли фильм «Волга, Волга» (1938), снятый Г. Александровым, и песня «Течёт река Волга» (1962), написанная М. Фрадкиным и Л. Ошаниным для панорамного кинофильма Я. Сегеля «Течёт Волга», исполняемая Людмилой Зыкиной.

Однако, это длится недолго: в середине XX века на Волге начинается строительство первых ГЭС. И вот тут обозначается любопытная трансформация реки, результаты которой наблюдаем мы с вами: Волга не только становится покоренной, индустриальной, она теряет статус реки в гидрологии и превращается в «каскад гидротехнических сооружений с непроточным режимом» [Можно ли сейчас считать Волгу рекой? ... 2018]. Таким образом, последней масштабной визуализацией образа великой национальной реки можно считать монумент «Мать Волга», поставленный в Рыбинске в честь строителей Волгостроя в 1953 году (скульпторы С. Д. Шапошников и В. Малашкина, архитектор Н. Донских).

С этого момента можно говорить о том, что все образы Волги, созданные в искусстве второй половины XX века и до наших дней, подменяют реальность, рождая феномен ее симуляции. Земная реальность утрачивает оптическую плотность благодаря индустриальным свершениям: строительство ГЭС, значимых транспортных со-

оружений (мостов) через Волгу определили появление новых тем, связанных с рекой, но постепенно уводили внимание от самой Волги. Здесь можно вспомнить творчество В. М. Юстицкого. Художника-новатора, автора масштабного утопического архитектурного проекта – движущегося моста через Волгу.

Во второй половине XX века образ Волги в отечественном искусстве утрачивает свой масштаб и начинает выполнять чисто декоративную функцию: теперь главными героями становятся лодки, дебаркадеры, набережные. В городских и сельских пейзажах Волга также утрачивает самостоятельное значение: художники используют ленту реки для колористической выразительности структуры произведения, как цветовой акцент, или, следуя традиции используют состояния реки для создания образа состояния героя произведения (см. произведения В. Овчинникова, Н. Галахова и др.).

Противопоставленная урбанистическим картинам, Волга визуализируется как место отдыха и постепенно теряет свойства судоходной реки, на которой кипит жизнь. Река, которая дает пропитание человеку, от которой зависит его процветание и удача.

Любопытно, что к началу XXI века в творчестве современных художников определяется *два направления в художественном изображении Волги.*

Первое – вполне традиционное: в этом случае река – часть узнаваемого пространства, ландшафта, с помощью которой художник «очерчивает» нужное ему видимое место – город, берег, обрыв или затон. В качестве примера можно привести картины, принимающие участие в масштабном проекте Большая Волга» – выставке произведений художников Приволжского Федерального округа. Это произведения «Стрелка» М. Полякова (2016), «Нижний Новгород – мой причал» Р. Соснина (2017), «Стрелка» П. Рыбаковой (2018), «Покров в Нижнем» Т. Арбековой-Ульяновой (2013), «Старый город» Г. Груздевой (2014), «Самара» С. Щеглова (2016), «На Волге» А. Солдатенко (2018) и другие (смотрите каталог выставки произведений художников Приволжского Федерального округа БОЛЬШАЯ ВОЛГА XII).

А вот в творчестве художников, работающих в русле экспериментальных художественных практик и медиумов, *Волга превращается в хранителя культурной памяти и локальных историй* (например, в работах художников Е. Стрелкова – проект «Молекулы Волги», В. Куприянова – проект «Фасады Волги» и др.). По словам Стрелкова, его проект – это «попытка сквозь помехи времени и пространства уловить ноту подлинной волжской традиции» [Стрелков].

Самарский художник Кирилл Гуров, описывая Самару, называет

только три слова: «Волга, Волга, Волга» [Абрамова]. Однако Гурова интересует не сама река, но ее берега, вернее – противоположный городу берег Волги, куда художник совершает «природные дрейфы» и создает портрет пройденного пространства: «В детстве в летнее время я жил на противоположном берегу Волги в селе Рождествено. Я наблюдал за природой с достаточно раннего возраста, и это помогло мне ее полюбить. Думаю, через общение с ней выстраивается иная модель мира: быть в сожительстве, а не заниматься порабощением» [Абрамова].

Современное изобразительное искусство перестает быть изобразительным, оно приобретает действие. Во временной пласт, эмоциональный отклик переходит образ Волги. Это связано с тем, что сейчас, для многих наших современников, ключевые понятия «Волга – матушка» и «Волга – великая русская река» лежат в плоскости «виртуального» прошлого, не связанного с эмпирическими воспоминаниями репрезентационной памяти, а значит, это прошлое, следуя Делезу, никогда не станет для них настоящим, так как оно не сформировалось после. Современное искусство обращается к чисто виртуальному прошлому и предполагает, что Я постоянно разбивается на отдельные эпохи, поочередно являющиеся центрами для него. Таким образом, идентичность никогда не может зафиксировать сама

себя, она постоянно ускользает от самой себя [Новикова, 2013]. Эта мысль объясняет стремление современных художников использовать Волгу как некий поток памяти, своеобразную Лету, куда канули многие явления русской культуры и благополучно забылись нашими современниками.

Но и в этом случае универсальное значение реки утрачивается: в изобразительном искусстве Волга теряет свою текучесть и энергию: она все больше напоминает мифологическую Лету, в которую кануло все то, что было в жизни России до сегодняшнего дня, который ежесекундно безвозвратно уходит в прошлое.

Заключение

Современное искусство сегодня обращено в сторону *memory studies*, посвященным культуре воспоминаниям, – различных историко-культурных способов обращения с прошлым. В этом контексте Волга рассматривается как «узел памяти», в котором сплелись очень разные культуры воспоминаний – от витальных, эволюционных, до воспоминаний, связанных с понятием утраты. К примеру, значимая часть культурного ландшафта Нижегородского региона была утрачена в результате затопления при образовании Горьковского водохранилища. Были затоплены старейшие поселения возрастом более 800 лет. Понятие травмы или утраты актуализировалось в

культурном поле Нижегородского региона в связи с вопросом о поднятии уровня воды Чебоксарского водохранилища: предполагаемые затопления могут коснуться как областных центров, так и некоторых районов Нижнего Новгорода.

Интересно, что по результатам опроса, который мы проводили в рамках конференции «Среда. Культура. Текст» (ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, ноябрь, 2023), выяснилось, что среди выявленных у молодежи облака тэгов к слову «Волга» отсутствует определение «Река», тогда как у старшего поколения (после 45) еще возникают ассоциативные связи «матушка-Волга» и «великая русская река».

Любопытно визуальное решение образов Волги и Оки на стенде Нижегородской области международной выставки-форума «Россия» на ВДНХ (2024), где обе реки представлены в образах женщин, похожих на Сфинксов. Волосы которых обрезаны до плеч (утрачивается «текучесть» рек, архетип женского). Более того, персонифицирована только «Ока»: на ней надет кокошник, который соотносит ее с русской культурой, а вот «Волга» в принципе никак не идентифицируется, и никак не соотносится с образом «великой русской реки». Здесь хочется привести еще один пример из интервью 2024 года со Снежаной и Ильей Михеевыми – самарскими художниками, кураторами, выпускниками Самарской

школы авангарда. На вопрос «Каким вы видите самарское искусство через 5 лет?» они ответили: «Без ярлыка Волги» [Абрамова].

Подводя итоги, отметим, что образ Волги в современном изобразительном искусстве потерял свою неизменность и узнаваемость, разбившись на симулякры или на визуальные коды, обращенные на интерпретацию какой-либо авторской идеи. В сознании россиян Волга постепенно утрачивает статус «великой русской реки», связанной с национальной идеей, а в художественной среде приобретает статус хранителя воспоминаний, своего рода потерянного рая,

к которому мы все так стремимся, но рая не всеобщего, а индивидуального. Художественные исследования Волги приобретают исключительно личный характер, на первое место выступают темы памяти, утраты, травмы. Более того, сложность визуализации того, чего не существует, переносит исследование образа Волги из пространственных видов искусств во временные. Предложенный анализ особенностей образа Волги в контексте идеи «новой визуальности» можно использовать в литературоведческих или междисциплинарных исследованиях.

Библиографический список

1. Абрамова А. Течения Волги: кто создает искусство в Самаре. URL: <http://obdn.ru/articles/techeniya-volgi-kto-sozdaet-iskusstvo-v-samare> (дата обращения: 07.07.2024).
2. Бархатова Е. В. По берегам Великой Волги. Редкие фотографии ведущих русских мастеров второй половины XIX века. Из собрания Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). URL: <http://www.hlr.ru/exib/Volga> (дата обращения: 07.07.2024).
3. Боголюбов А. П. Записки моряка-художника // Саратов. Волга. 1996. 208 с.
4. Волга на берегах Невы : каталог выставки / Российская акад. художеств, Союз художников России, Санкт-Петербургский союз художников, Выставочный центр Санкт-Петербургского союза художников. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Союз художников. 2016. 96 с.
5. Выставка произведений художников Приволжского Федерального округа БОЛЬШАЯ ВОЛГА XII. Каталог. Нижний Новгород, 2018. 200 с.
6. Жюльен Ф. Великий образ не имеет формы, или Через живопись – к объекту. Москва : Ad Marginem, 2014. 368 с.
7. Ипполитов А. Эссе 1994-2008. URL: thelib.ru/books/ippolitov_arkadiy/esse_1994_2008-read-16.html (дата обращения: 07.07.2024).
8. Коробочко А. Панорама Волги академиков Г. и Н. Чернецовых / А. Коробочко, В. Любовный // Чернецовы Г. Г. и Н. Г. Путешествие по Волге. Москва : Наука, 1970. С. 5-14.

9. Кусмидинова М. Х. Формирование концепта реки в русской культуре на примере Волги // Теория и практика общественного развития. Серия: Философские науки. 2015. Вып. 21. С. 205-208.
10. Лескинен М. «Волга – русская река». Из истории формирования и аргументации концепта // Вопросы национализма. № 4(16). 2013. С. 50-76.
11. Лэнг.О. К реке. Путешествие под поверхностью. Москва : Ad Marginem, 2019. 292 с.
12. Можно ли сейчас считать Волгу рекой? URL: vodanews.info/mozhno-li-sejchas-schitat-volgu-rekoj/?ysclid=lqy8ntghke193159115 (дата обращения: 07.07.2024).
13. Новикова В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. 369 с.
14. Розанов В. Русский Нил. Москва : Директ-Медиа, 2015. 168 с.
15. Розин В. М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. Москва : Либроком, 2021. 330 с.
16. Савчук С. В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. №1(10). 2013. С. 95-108.
17. Стрелков Е. Волга на молекулярном уровне. URL: www.ng.ru/science/2022-12-27/15_8626_train.html? (дата обращения: 07.07.2024).
18. Строганов М. В. Большая Волга в русском фольклоре // Фольклор Большой Волги: Сборник научных статей. Москва : РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017. С. 310-329.
19. Хартли Д. Волга. История главной реки России. Москва : Эксмо, 2024. 560 с.
20. Чакина Л. Л. «Новая визуальность» в свете теории кризиса искусства // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. №1 (17). 2015. С. 278-280.
21. Чириков, Е. Н. Волжские рассказы и сказки / сост., вступ. ст. М. В. Михайловой, А. В. Назаровой. Нижний Новгород : Книги, 2021. 511 с.
22. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности. в русской литературе // Проблемы исторической поэтики. №8. 2008. С. 5-17.
23. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. Москва : Прогресс, 1993. 324 с.

Reference list

1. Abramova A. Tehenija Volgi: kto sozdaet iskusstvo v Samare. = Volga flows: who creates the arts in Samara. URL: <http://obdn.ru/articles/teheniya-volgi-kto-sozdaet-iskusstvo-v-samare> (data obrashhenija: 07.07.2024).
2. Barhatova E. V. Po beregam Velikoj Volgi. Redkie fotografii vedushhih russkih masterov vtoroj poloviny XIX veka. Iz sobranija Rossijskoj nacional'noj biblioteki (Sankt-Peterburg) = Along the banks of the Great Volga. Rare photographs of the leading Russian masters of the second half of the XIX century. From the Russian National Library collection (St. Petersburg). URL: <http://www.hlr.ru/exib/Volga> (data obrashhenija: 07.07.2024).

3. Bogoljubov A. P. Zapiski morjaka-hudozhnika = Notes by the sailor-painter // Saratov. Volga. 1996. 208 s.
4. Volga na beregah Nevy : katalog vystavki = The Volga on the banks of the Neva : exhibition catalog / Rossijskaja akad. hudozhestv, Sojuz hudozhnikov Rossii, Sankt-Peterburgskij sojuz hudozhnikov, Vystavochnyj centr Sankt-Peterburgskogo sojuza hudozhnikov. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij Sojuz hudozhnikov, 2016. 96 s.
5. Vystavka proizvedenij hudozhnikov Privolzhskego Federal'nogo okruga BOL"ShAJa VOLGA XII. Katalog = Exhibition of paintings by artists of the Volga Federal District BIG VOLGA XII. Catalog. Nizhnij Novgorod, 2018. 200 s.
6. Zhjul'en F. Velikij obraz ne imeet formy, ili Cherez zhivopis' – k ne-ob#ektu = The great image has no form, or Through painting to the non-object. Moskva : Ad Marginem, 2014. 368 s.
7. Ippolitov A. Jesse 1994-2008 = Essays 1994-2008. URL: thelib.ru/books/ippolitov_arkadiy/esse_1994_2008-read-16.html (data obrashhenija: 07.07.2024).
8. Korobochko A. Panorama Volgi akademikov G. i N. Chernecovyh = The Volga panorama by the academician G. and N. Chernetsovs / A. Korobochko, V. Ljubovnyj // Chernecovy G. G. i N. G. Puteshestvie po Volge. Moskva : Nauka, 1970. S. 5-14.
9. Kusmidinova M. H. Formirovanie koncepta reki v russkoj kul'ture na primere Volgi = Forming the river concept in Russian culture on the example of the Volga River // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. Serija: Filosofskie nauki. 2015. Vyp. 21. S. 205-208.
10. Leskinen M. «Volga – russkaja reka». Iz istorii formirovanija i argumentacii koncepta = “Volga is a Russian river”. From the history of formation and argumentation of the concept // Voprosy nacionalizma. № 4(16). 2013. S. 50-76.
11. Ljeng.O. K reke. Puteshestvie pod poverhnost'ju. = Towards the river. Journey under the surface. Moskva : Ad Marginem, 2019. 292 s.
12. Mozhno li sejchas schitat' Volgu rekoj? = Can the Volga be considered a river now? URL: vodanews.info/mozhno-li-sejchas-schitat-volgu-rekoj/?ysclid=lqy8ntghke193159115 (data obrashhenija: 07.07.2024).
13. Novikova V. G. Britanskij social'nyj roman v jepohu postmodernizma = British Social Novel in the Postmodern Era. Nizhnij Novgorod : Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2013. 369 s.
14. Rozanov V. Russkij Nil.= The Russian Nile. Moskva : Direkt-Media, 2015. 168 s.
15. Rozin V. M. Vizual'naja kul'tura i vosprijatie. Kak chelovek vidit i ponimaet mir = Visual culture and perception. How one sees and understands the world. Moskva : Librokom, 2021. 330 s.
16. Savchuk S. V. Fenomen povorota v kul'ture XX veka = The phenomenon of the turn in the XXth century culture // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. №1(10). 2013. S. 95-108.

17. Strelkov E. Volga na molekularnom nivou = The Volga at the molecular level. URL: www.ng.ru/science/2022-12-27/15_8626_train.html? (data obrashhenija: 07.07.2024).

18. Stroganov M. V. Bol'shaja Volga v ruskom fol'klore = The great Volga in Russian folklore // Fol'klor Bol'shoj Volgi: Sbornik nauchnyh statej. Moskva : ROSKUL"TPROEKT, 2017. S. 310-329.

19. Hartli D. Volga. Istorija glavnoj reki Rossii = The Volga. The history of the main Russian river. Moskva : Jeksmo, 2024. 560 s.

20. Chakina L. L. «Novaja vizual'nost'» v svete teorii krizisa iskusstva = “New visuality” in the light of the arts crisis theory // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. №1 (17). 2015. S. 278-280.

21. Chirikov, E. N. Volzhskie rasskazy i skazki = The Volga stories and fairy tales / sost., vstup. st. M. V. Mihajlovoj, A. V. Nazarovej. Nizhnij Novgorod : Knigi, 2021. 511 s.

22. Sheshunova S. V. Nacional'nyj obraz mira kak kategorija jetnopojetiki russkoj slovesnosti. v ruskoj literature = National worldview as a category of Russian literary ethnoetics. // Problemy istoricheskoi pojetiki. №8. 2008. S. 5-17.

23. Florenskij P. A. Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedenijah = Analyzing space and time in fiction and painting. Moskva : Progress, 1993. 324 s.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 15.06.2024; approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024